

САДЫ
ДИССИДЕНТОВ

JONATHAN LETHEM

DISSIDENT
GARDENS

ДЖОНАТАН ЛИТЭМ
САДЫ
ДИССИДЕНТОВ

РОМАН

Перевод с английского

Татьяны Азаркович

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л52

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Литэм, Джонатан

Л52

Сады диссидентов : роман / ДЖОНАТАН ЛИТЭМ; пер. с англ. Т. АЗАРКОВИЧ —
Москва: АСТ: CORPUS, 2015. — 586, [6] с.

ISBN 978-5-17-085499-8

Джонатан Литэм — американский писатель, автор девяти романов, коротких рассказов и эссе, которые публиковались в журналах *The New Yorker*, *Harper's*, *Rolling Stone*, *Esquire*, *The New York Times* и других; лауреат стипендии фонда Макартуров (MacArthur Fellowship, 2005), которую называют “наградой для гениев”; финалист конкурса National Book critics Circle Award — Всемирная премия фэнтези (World Fantasy Award, 1996). Книги Литэма переведены более чем на тридцать языков. “Сады диссидентов”, последняя из его книг, — монументальная семейная сага. История трех поколений “антиамериканских американцев” Ан-груш—Циммер—Юган собирается, как мозаика, из отрывочных воспоминаний множества персонажей — среди них и американские коммунисты 1930–1950-х, и хиппи 60–70-х, и активисты “Оккупай” 2010-х. В этом романе, где эпизоды старательно перемешаны и перепутаны местами, читателю предлагается самостоятельно восстанавливать хронологию и логическую взаимосвязь событий.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-085499-8

- © 2013 by Jonathan Lethem
 - © Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2015
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2015
- Издательство CORPUS ®

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Районофобия

Глава 1. Два судилища	11
Глава 2. Серый Гусь	37
Глава 3. Лекарство Цицерона	79
Глава 4. Случайное достоинство	92

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Игра “кто, что или где?”

Глава 1. “Пролы” из Саннисайда	125
Глава 2. Города в кризисе	171
Глава 3. “Линкольн” Сэндберга	210
Глава 4. Второй альбом Томми Гогана	252

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Остроумие и мудрость Арчи Банкера

Глава 1. Стипендия от Содружества стражей	311
Глава 2. Из архива “Штази”	358
Глава 3. Парад на Хэллоуин	387
Глава 4. Похвальное слово и Таверна	418

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мирное царство

Глава 1. Война Агнца	449
Глава 2. Папоротники в Эстеро-Реале	510
Глава 3. Поближе к Богу	528
Глава 4. Оккупация	570

Посвящается моему 80-летнему отцу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЙОНОФОБИЯ

Глава 1

Два судилища

Кончай спать с черным копом — или вылетишь из коммунистической партии. Таков был ультиматум — нелепое резюме того выговора, который вынесла Розе Циммер клика, собравшаяся на кухне у нее дома, в Саннисайд-Гарденз, в тот вечер, поздней осенью 1955 года.

Ей позвонил Сол Иглин, главный коммунист, и сообщил, что с ней желает встретиться “комитет”. Нет-нет, они будут рады, даже счастливы, сами зайти к ней, сегодня же вечером, после своего совещания неподалеку от Гарденз. В десять — не слишком поздно? Это был не вопрос — приказ. Да, Сол понимает, как устают Роза на работе, понимает, как много значит для нее сон. Обещал, что надолго они не задержатся.

Как же это случилось? Легко. Даже обыденно. Такое случалось каждый день. Любой мог запросто вылететь из партийных рядов, если сморкался или моргал подозрительно часто. А теперь, после стольких-то лет, настал и Розин черед. Она приоткрыла окно кухни, чтобы услышать их шаги. Сварила кофе. До нее доносились голоса обитателей коммунальных проулков Гарденз: курильщиков, любовников, обиженных на ко-

го-то подростков. Уже несколько часов, как наступила зимняя тьма, но сегодня, в этот ранний ноябрьский вечер, воздух казался на удивление благоуханным и ласковым, будто земля напоследок решила вспомнить ушедшее лето. Окна в чужих кухнях тоже были распахнуты, и в переулках сливались в общий гул разные голоса — голоса многочисленных Розиных врагов, немногих друзей и еще многих, многих других, кого она просто терпела. Однако все они были ее товарищами. И все, даже настроенные против нее, испытывали к ней должное уважение. Вот этого самого уважения и собирались ее лишит комитетчики, уже переступавшие порог кухни.

Их было пятеро, считая Иглина. Вырядились все чересчур парадно — в жилеты и пиджаки, а теперь рассаживались на Розиных стульях, будто сойдя с типичного образчика советской живописи, — они принимали такие позы, словно собирались приступить к некоему *интеллектуальному* действию: к пого-не за химерой, к выяснению отношений диалектическим методом, тогда как никакой диалектики тут не было и в помине. Одна лишь диктатура. И подчинение диктату. Но Роза все-таки готова была их простить. Эти люди — все, кроме Иглина, — слишком молоды, им не довелось, как ей, пережить интеллектуальные кувырки тридцатых годов, они не видели рождения европейского фашизма и Народного фронта; во время войны они были еще детьми. Они просто трутни — люди, нацепившие костюмы независимой мысли, но ставшие рабами партийного “группояза”. Никто из них не имел никакого веса, кроме единственного независимого и вдумчивого человека — истинного и авторитетного организатора, к тому же вхожего в производственные цеха — Сола Иглина. Иглин, надевший сегодня галстук-бабочку, уже настолько облысел, что волосы, как зимнее солнце, закатились за высокую дугу его черепа. И только Иглин — один из всех — вел себя как настоящий мужчина:

он не глядел ей в глаза. Один только он ощущал стыд от всего происходившего.

Таков был коммунистический обычай, коммунистический обряд: домашнее судилище, когда почтенные линчеватели пользуются твоим гостеприимством, и одновременно швыряют гранату партийной политики в твои убеждения, и берутся за нож, чтобы намазать тост маслом, а вместо этого отрезают тебя от всего того, чему ты отдал всю жизнь. Пускай это можно было бы считать коммунистическим обычаем и обрядом, но нельзя сказать, что явившиеся юнцы поднаторели в подобных действиях или чувствовали себя в своей тарелке. Зато Роза была ветераном по этой части: восемь лет назад она уже проходила подобное судилище. Они сидели и потели — она же ощущала только усталость от их смущенного похмыкивания и покашливания.

Заявившаяся к ней живопись говорила о посторонних пустяках. Один молодой человек нагнулся и рассматривал Розин алтарь Авраама Линкольна — столик на трех ножках, где красовались давнишний шеститомник Карла Сэндберга, помещенная в рамку фотография, запечатлевшая Розу с дочерью у статуи мемориала Линкольна в Вашингтоне, и памятная фальшивая центовая монета величиной с кружок ливерной колбасы. У этого молодого человека были светлые волосы, как у Розиного первого мужа — вернее, единственного мужа, и все-таки мысленно Роза постоянно допускала эту неточность, словно впереди ее ожидала некая новая жизнь, требовавшая расстановки номеров. Молодой человек с идиотским видом взвесил медальон на ладони и, склонив голову набок, будто проникшись уважением к весу этой вещицы, вдруг обнаружил достойный способ приступить к разговору.

— Значит, Старина Эйб? — сказал он.

— Положите на место.

Он обиженно поглядел на Розу.

— Нам известно, миссис Циммер, что вы ярый борец за гражданские права.

Как и можно было ожидать в подобный вечер, каждое замечание попадало в точку — вольно или невольно. Вот, значит, преступление, которое партия решила вменить в вину Розе: излишнее рвение в борьбе за равноправие негров. В тридцатые годы ее назвали бы — как позже стали выражаться враги красного движения — *преждевременной антифашисткой*. А сейчас? Чересчур пылкой поборницей эгалитаризма.

— У меня было несколько рабов, — сказала Роза, — но я их освободила.

В лучшем случае, это был тычок в сторону Сола Иглина. Разумеется, молодой человек этого не понял.

И тут, как и ожидалось с самого начала, в разговор вступил Иглин, чтобы “управиться” с Розой.

— А где Мирьям? — спросил он.

Как будто то, что он знал, как зовут дочь Розы, каким-то образом сглаживало неловкость от непрошеного вторжения в ее жизнь. Он не был ни другом, ни врагом, хотя прежде они с Розой сотни раз ощупывали друг друга в темноте. Сейчас Иглин выступал просто вкрадчивым посредником, безучастным проводником партийной политики. Сегодня ей было явлено четкое доказательство — будто она нуждалась в таких доказательствах! Оказывается, можно приютить мужчину у себя в постели, в собственном теле, научиться играть на его нервной системе, как Падеревский на клавишах, — и ни на дюйм не сдвинуть его ум, завязший в бетоне догмы.

Или, если уж на то пошло, в бетоне полицейских будней.

Кстати сказать, ни одного, ни другого мужчину ей так и не удалось разлучить с женой.

Роза ответила, пожав плечами:

— Она сейчас в таком возрасте, что вечно где-то пропадает, а где именно — мне неизвестно.

Мирьям, чудо-ребенку, исполнилось пятнадцать. Перепрыгнув через один класс, она уже второй год училась в средней школе и практически не появлялась дома. Мирьям проводила время у друзей и в университетской столовой Куинс-колледжа, флиртуя с разными умниками, евреями и неевреями, — с мальчишками, которые еще пару лет назад чесали себе яйца и шлепали друг друга скатанными в трубочку комиксами где-нибудь на табуретах в прохладительных кафе или в вагонах надземки. С такими мальчишками, которые внезапно умолкали и даже принимались дрожать, когда оказывались рядом с Розой Циммер.

— Заигрывает с кузенком Ленни?

— Сол, одно могу сказать тебе точно: она где угодно, но только не с кузенком Ленни.

Надо сказать, именно Розин троюродный брат, Ленин Ангруш, подарил ей когда-то тот поддельный огромный центовик. Он называл себя нумизматом. Чтобы Ленни пользовался успехом у пятнадцатилетней Мирьям? Мечтать не вредно.

— Давайте не тратить время попусту, — предложил тот молодой человек, который перебирал ее линкольновские реликвии.

Розе не следовало недооценивать brutальную мощь молодости: у него она имелась. Иглин не являлся единственной силой в этой комнате только потому, что Роза видела в нем единственную силу, которую сама готова была признать. Этот молодчик явно стремился выделиться — похоже, соперничая с остальными и претендуя на статус протеже Иглина. Причем это служило лишь прелюдией: со временем он нанесет удар в спину самому Иглину. В этом можно было не сомневаться.

Да уж, бедняга Сол. Все еще по уши в параноидальном навозе.